

— Я ждалъ васъ. Мнѣ обѣщала Раиса Николаевна, что вы будете. Кстати у меня отличный коньякъ, есть шведскій пуншъ...

— А я не дуракъ выпить, что ли? Но, впрочемъ, это хорошо...

Онъ подошелъ къ столу, взялъ бутылку и посмотрѣлъ на этикетъ. Улыбаясь, онъ сказалъ:

— Въ ожиданіи переменъ образа жизни, не знаешь, какъ себя вести. Не то весело, не то страшно. По-неволѣ станешь пить!

— Зачѣмъ вы такъ шутите? — промолвилъ Никодимъ Павловичъ.

Онъ сѣлъ къ самовару и сталъ разливать чай.

— Видали сегодня Раису Николаевну? — спросилъ онъ.

— Представьте, не былъ сегодня. Дѣла мои, правду сказать, запутаны. Я ищу три тысячи и сулю анаѣемскіе проценты... Векселя, нотаріусъ, а тутъ еще больница — всевозможные безпорядки и борьба...

Прягинъ бросилъ на гостя взглядъ.

— Нашли три тысячи?

— Почти нашель... Завтра...

— Я могъ бы... если...

— Нѣтъ, у васъ не возьму. Не знаю, почему. Не предлагайте. Я къ вамъ пріѣхалъ не по этому дѣлу.

— Знаю... Ну, извините! Не хотите ли еще коньяку? Коньякъ настраиваетъ на дружбу.

Гранковскій долилъ чай коньякомъ. Прягинъ хлопнулъ цѣлый стаканчикъ.

— Я предпочитаю коньякъ голымъ, — проговорилъ Никодимъ Павловичъ и опять наполнилъ стаканчикъ.

Выпивши, онъ почувствовалъ, что злится.

— Значить, срокъ свадьбы зависитъ отъ трехъ тысячъ — такъ?

Онъ былъ красенъ, и глаза его блестѣли.

— Отчасти да, вы не ошибаетесь. Я вотъ и пріѣхалъ сказать вамъ, чтобъ вы не готовились къ опредѣленному сроку.

— Помилуйте, мнѣ что же!

— Во всякомъ случаѣ, завтра я еще разъ заѣду къ вамъ.

— Зачѣмъ?

— Или извѣщу васъ... Какъ зачѣмъ? Надо же вамъ знать, когда свадьба.

— Пожалуйста, выпейте этого пунша. Захаровна, подайте